

Когнитивная психология

© 1997 г. Т.В. Корнилова

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРИНЯТИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ*

Рассматриваются современные модели принятия решений (ПР), сложившиеся в когнитивных моделях выборов. Подчеркивается, что модельные представления не охватывают тех компонентов, которые отражали бы интеллектуальную опосредствованность ПР субъектом и его личностную включенность в разрешение ситуации неопределенности. Анализ этих моделей показал, что незаполненными оказались звенья в теоретизировании о когнитивно-личностных составляющих процессов ПР и в выдвижении психологических гипотез о регуляторных механизмах. Предложенное понимание принципа функциональной регуляции принятия интеллектуальных решений выдвигает на первый план проблемы онтологизации базисных процессов, стоящих за влиянием тех или иных факторов, и выявления складывающихся иерархий разноуровневых механизмов психологической регуляции принятия интеллектуальных решений.

Ключевые слова: модели принятия решений, принятие интеллектуальных решений, принцип функциональной регуляции, неопределенность, риск.

Современные исследования процессов принятия решений (ПР) существенно отличаются от работ 20–30-летней давности. Во-первых, они приобретают комплексный характер. При этом непсихологические модели ПР начинают учитывать особенности лица, принимающего решение (ЛПР), как субъекта, обладающего определенными психологическими качествами (как интеллектуальными, так и личностными). А в ряде психологических подходов ассимилируются модельные представления, сложившиеся в других областях знаний. Во-вторых, изменяется направленность самих психологических работ по ПР. Если раньше наиболее существенной была проблема классификаций видов ПР и их роль как этапов перехода к исполнительным программам действий, то теперь в качестве актуальной выдвигается проблема регуляции ПР, в том числе принятия интеллектуальных решений. В-третьих, в силу большей развитости непсихологических подходов к проблеме ПР авторы многих моделей переносят на психологическую регуляцию ПР такие представления о его составляющих, сложившиеся в экономической теории, теории игр и других дисциплинах, в которых идеализированное ЛПР предположительно действует по правилам и в рамках формально заданных ограничений относительно составляющих выборов.

Вместе с тем анализ современных моделей ПР, существующих, в частности, в когнитивной психологии, позволяет выделить и ту специфику психологической регуляции ПР, которая потеряна при "внепредметном" ракурсе рассмотрения выборов из альтернатив и должна учитываться при построении общепсихологического подхода

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 95-06-17829).

к пониманию регуляции принятия интеллектуальных решений (как составляющей общепсихологической модели ПР).

Целью нашей работы стало обсуждение состояния тех исследований в области ПР, в рамках рассмотрения которых оказалось возможным формулирование принципа функциональной регуляции как одного из составляющих общепсихологической модели ПР.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Психологические исследования процессов ПР в 60–70-е годы проводились с учетом специфики их представленности на сенсомоторном, перцептивном, образно-концептуальном и мыслительном уровнях [15]. ПР рассматривалось в качестве самостоятельных макроэтапов в предметной деятельности человека (например, оператора) и микроэтапов, включенных в функционирование разноуровневых познавательных процессов. Так, в исследованиях мышления этапы ПР представлены в регуляции любых интеллектуальных стратегий, где субъект определяет выбор между разными гипотезами, направлениями исследования ситуации, элементами возможных вариантов ответов или между различными альтернативами ответов. Например, понятие эвристической стратегии уже подразумевает наличие механизмов селекции поиска конечного варианта из ряда возможных. Но с процессами ПР все-таки связывали не любой выбор, а только такой, для регуляции которого субъект произвольно (вольно, осознанно) прилагал определенные усилия.

Это приложение усилий рассматривалось, во-первых, в контексте взаимодействия ситуационно заданных, т.е. *внешних*, и субъектно (субъективно) представленных, т.е. *внутренних*, условий неопределенности. Понятие субъективной неопределенности в дальнейшем оказалось наиболее часто используемым в теориях и моделях, конкретизирующих факторы и процессы, актуализируемые в ситуации выбора. Во-вторых, приложение усилий для осуществления выбора в ситуации неопределенности предполагало взаимосвязь ПР с волевой регуляцией. Однако именно эта линия предполагаемого анализа осталась наименее разработанной. На наш взгляд, последнее связано по меньшей мере со следующим неотрефлексированным аспектом проблемы "ПР и воля". ПР всегда включалось в качестве *этапа* в схемы волевой регуляции поведения или деятельности. Это, видимо, мешало увидеть другую вероятную постановку вопроса – о *компонентах* произвольной или волевой регуляции в осуществлении самих процессов ПР. Классическим здесь остался пример Л.С. Выготского, который продемонстрировал, что субъекту доступно преодоление ситуации буриданова осла при опосредствовании выбора использованием стимулов-средств. Позднее анализ возможности произвольного управления побудительными факторами объясняется на основе более тщательного описания процессов мотивации и осознания в регуляции выбора [2]. Но применительно к познавательным – и более узко понятым – интеллектуальным стратегиям субъекта понятие волевой регуляции практически не использовалось.

Развитие психологических исследований процессов ПР в связи с анализом их регуляторных компонентов в аспектах когнитивной и интеллектуальной ориентировки в ситуации неопределенности привело к структурированию таких областей, как: 1) модели ПР в когнитивной психологии [27, 33]; 2) процессы ПР и мышления в их сопоставлении [20]; 3) интеллектуальные стратегии, включающие этапы ПР, а также процессы "принятия интеллектуальных решений" как выборов, в разной степени опосредствованных мыслительной деятельностью [9]. Исследования личностной регуляции и представленности ПР в практических видах деятельности также получили новые импульсы развития в 80-е годы. Разработка понятий активности личности [4, 13] в общепсихологическом плане и прикладных областях исследований дает представления о наполнении тем или иным психологическим содержанием характеристики "личностного усилия" при ПР.

В то же время можно говорить о явно недостаточной ассимиляции в отечественной психологии знаний, накопленных в современных зарубежных исследованиях ПР как Decision Making. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть те данные из области современной когнитивной психологии, которые позволяют не только конкретизировать психологические составляющие выбора, но и по-новому представить некоторые "старые" проблемы психологии мышления. Речь идет о восстановлении пробелов, которые выявляются при постановке проблемы "ПР и мышление" и заполнение которых необходимо при общепсихологическом анализе процессов принятия интеллектуальных решений.

На наш взгляд, это в первую очередь касается обоснований принципа функциональной регуляции как предполагающего анализ новообразований в самих структурах регуляции принятия интеллектуальных решений. Понятие новообразований, сложившееся в контексте психологии мышления, в области ПР приобретает иное звучание. А именно: новообразование есть там, где субъект в ходе саморегуляции построил актуально ("здесь-и-теперь") функционирующую систему на основе соподчинения психологических факторов и разноуровневых процессов, которые опосредствуют личностно-интеллектуальные усилия субъекта в осуществлении выбора из альтернатив.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОНИМАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРИНЦИПА РЕГУЛЯЦИИ ПР

Анализ процессов ПР в развернутых проявлениях интеллектуальной деятельности и в "додеятельностных" формах предвосхищающей активности субъекта требует их рассмотрения не только как этапов в становлении разных видов психологической реальности, но и как общего модуса осуществления *регуляторной* функции психического отражения. Эта линия теоретического и практического освоения проблематики интеллектуальных решений почти не реализована в современной психологии. Однако проведенная работа по обзору имеющейся литературы позволила нам выделить ряд признаков, характеризующих процессы ПР именно с точки зрения присущей им функциональной регуляторной роли.

В самом общем понимании функциональный принцип в психологии представлял то как основание для рассмотрения актуалгенеза внешней или внутренней деятельности, т.е. способов функционирования той или иной психологической реальности (что в определенной степени противопоставляло функциональный подход генетическому [17]), то как принцип функционального развития [14]. В более специфицированных рамках той или иной теории он понимался по-разному в зависимости от целостного контекста взаимосвязей с другими конкретно-психологическими принципами. То есть как одно из оснований анализа высших психических функций (в контексте становления их опосредствования по Л.С. Выготскому), как соотношение принципа уровневой регуляции движений и кольцевого принципа в теории Н.А. Бернштейна или принципа анализа межкомпонентных связей в общей системе саморегуляции в теории О.А. Конопкиной [5]. В психологии мышления представление о функциональной регуляции применялось для обозначения аспекта процессуальной регуляции (в отличие от результативного) и опосредствования мышления одновременно протекающими разноуровневыми процессами. Однако вопрос об иерархиях разноуровневых базисных процессов в регуляции интеллектуальных стратегий обычно оставался открытым. Бернштейн мыслил смысловые и символические координации верхним и нерасчлененным уровнем регуляции активности. Представления Выготского о взаимопереходах между планами речевого мышления и "смысловых полей" практически не были реализованы в тех или иных экспериментальных моделях.

В эмпирических исследованиях школы О.К. Тихомирова целоеобразие выступило в качестве ведущего уровня, фокусирующего на себе влияния как смысловых (личностно-мотивационных), так и когнитивных факторов регуляции мышления [20]. Процессуальной регуляции мышления уделено достаточное внимание и в работах других школ [11]. Однако требует специального рассмотрения вопрос о возможности

переноса тех схем регуляции, которые были намечены при анализе решения проблем (problem solving) в ситуациях "открытых" задач (для них характерно развертывание субъектом процессов выдвижения гипотез и поиск неизвестного искомого), на ситуации решения так называемых "закрытых" задач, т.е. на ситуации выбора, для которых характерна неопределенность критериев ПР и анализ субъектом последствий принятия тех или иных альтернатив, но не изменение их как заданных вариантов конечных решений.

К настоящему моменту можно выделить следующие тенденции в изменении конструкта "принятие решений", свидетельствующие о необходимости усиления собственно функционального аспекта анализа регуляции процессов ПР.

1. Термин ПР, будучи необходимым элементом поведенческих теорий и формальных моделей ПР, перекочевал в другие области: исследования юридических решений [34], организационную психологию [24], психологию менеджмента [10], психологию предпринимательства [35] и т.д. Соответственно изменился ракурс рассмотрения подразумеваемой им психологической реальности: многообразие факторов регуляции ПР в реальных ситуациях выбора уже не могло быть представлено лишь дескриптивными или нормативными моделями, согласно которым субъект выступал в качестве идеализированного "лица, принимающего решения", действующего по определенным правилам, в контексте заданных *прагматических* целей или реализующего *игровые* стратегии. Субъект решения – это личность, не только обладающая определенными интеллектуальными и нравственным потенциалом, но и активно выбирающая уровни критериев, включаемых в регуляцию выбора из альтернатив. Понимание, что какой субъект, такое и решение следует от него ожидать, основывается на предположении о конструктивной роли сознания личности и ее ответственности за достигаемые или недостижимые уровни саморегуляции.

2. В качестве общепсихологического понятия термин "процессы ПР" приобрел множество значений, в которых отражены совершенно разные составляющие регуляции выбора из альтернатив и которые функционируют в контекстах психологии воли, когнитивных теорий мотивации, психологии интеллектуальных и моральных решений, психологии риска и ряде других направлений. Кроме того, в исследованиях ПР, реализующих нормативные подходы, стали рассматриваться такие когнитивные феномены регуляции, которые учитывали процессы осмысления оснований выбора вне заданных правил. Это, например, учет возможности осуществлять выбор в условиях противоречивости данных (чувствительность к противоречиям была проанализирована ранее в общепсихологических исследованиях мышления) или изменять его основания при возникновении лишь мыслимой, "фантомной" альтернативы, т.е. невключенной в поле реально заданных альтернатив [9].

3. Наметилось разведение традиций исследований ПР в связи с их анализом в качестве компонентов регуляции интеллектуальных стратегий [8] и реализуемых выборов, т.е. в *праксиологическом* аспекте [3, 21]. Праксиологический подход также дифференцировался в контекстах ряда проблем: ПР как выбор программ действий (или исполнение решений) и как поиск самим субъектом ситуаций, требующих от него усилий при ПР; ПР в соотношении процессов целеобразования и целедостижения; ПР и трансгрессия (страсть к преодолению границ) или формы проявления надситуативной активности личности. При этом термин "риск" стал объединяющим для исследований ПР в разных областях знания. Он выступил в качестве существенного конструкта и при общепсихологическом обсуждении регуляции активности субъекта, причем в додеятельной и внедеятельной формах ее представленности (надситуативной активности, метаконтроля, предвосхищающей активности субъекта и т.п.), и при дальнейшем развитии нормативных моделей вне психологии и в рамках когнитивной психологии.

4. В рамках *когнитивной психологии*, принявшей наряду с инженерной психологией термин ПР в свой обиход, сформировались модели, использовавшие, казалось бы, изначально непсихологические представления о составляющих регуляции выбора (в

первую очередь модель ожидаемой полезности выигрываемых и проигрываемых денег – МОП). Однако выявление характера отклонений стратегий выборов, реально осуществляемых субъектом, от подразумеваемых (в формальных моделях) стратегий ПР и накопление новых психологических данных об использовании им знаний в разрешении ситуаций неопределенности привело к формированию собственно психологических моделей выборов и "психологизации" составляющих в формальных моделях (например, введение понятий "ожидаемая ценность", "веса решений" и т.д. в контексте развития МОП). "Перспективная теория" Д. Канемана (D. Kahneman) и А. Тверски (A. Tversky) [33] стала входить в обзоры самых значимых нормативных теорий именно как попытка авторов экономических подходов к ПР освоить рассматриваемые в ней когнитивные феномены.

5. Исследования роли социальных и личностных факторов в регуляции ПР привели к выдвиганию на первый план моделей мультиатрибутивных выборов, более приближенных к реальным ситуациям ПР и предполагающих ориентировку субъекта на множественность параметров оценивания альтернатив (их атрибутов). Это позволило усилить внимание к факторам когнитивной регуляции, поскольку более очевидным стал вопрос о том, на какие именно *базисные* процессы и каким образом влияют рассматриваемые социально-психологические регуляторы выборов. Эти исследования позволили выявить также противоречивость феноменологии в соотношении индивидуальных выборов и принимаемых в группе решений.

6. Занимавшие ранее ведущее место в экспериментальной психологии парадигмы анализа регуляции вербально-логического и творческого мышления были пополнены новыми исследовательскими подходами изучения мышления "в условиях неопределенности" и "возможного в мышлении" [7, 26]. Понятия "неопределенность" и "риск" стали использоваться в психологии мышления при стремлении авторов указать именно на специфику регуляции интеллектуальной деятельности человека в условиях неопределенности, когда наряду с познавательными стратегиями в качестве опосредствующих ПР процессов оказывались значимыми и неразвернутые в те или иные структуры познавательные *усилия* как субъективные *предвосхищения* последствий выборов. Соответственно изменились критерии оценки рациональности и иррациональности стратегий субъекта при ПР. Рациональность стала оцениваться с точки зрения не только принципа реализации "ограниченных ресурсов" интеллекта (или принципа "ограниченной рациональности", введенного Г. Саймоном [16]), но и необходимости включения этапов риска при умственном планировании – как заведомых "пропусков" в планах субъекта при заведомых прогнозах этапов, на которых он будет принимать решения на основе "здесь-и-теперь". То есть в зависимости от обстоятельств, которые заранее нельзя предвосхитить [32].

Наконец, в современной психологии мышления этапы ПР стали рассматриваться как регуляторные компоненты при реализации субъектом развернутых интеллектуальных стратегий в условиях преодоления неопределенности в ходе решения так называемых "комплексных" (по терминологии Д. Дөрнера (D. Dörner)) проблем [26], задач постановки диагноза [25], при формировании понятий или решении других мыслительных задач в диалоге с компьютером [8, 23]. Преодолевать неполноту ориентировки в опосредствованных мышлением выборах на основе неявных, предполагаемых критериев или переструктурирования системы заданных альтернатив, реализовывать стратегию, в которой заведомо предвосхищаются этапы неопределенности (относительно направленности действий и способов их реализации), изменять степень личностной включенности в регуляцию выборов – все эти и подобные феномены, характерные для многоэтапных интеллектуальных решений, можно описывать, только введя принцип *функциональной регуляции*.

Итак, на наш взгляд, общим для столь разных тенденций является принцип функциональной регуляции ПР, т.е. понимание того, что реализуемый выбор из альтернатив может осуществляться посредством различных актуализируемых процессов, при выдвигании на вершину структурной иерархии уровней регуляции различных (процес-

суально реализуемых) психологических факторов. Тогда задача психологического анализа переформулируется в диагностическую: какие именно уровни регуляции и базисные процессы могли стоять за выбором, который осуществил субъект? При этом может предполагаться разная степень как собственно проведения интеллектуальной ориентировки в атрибутах альтернатив (т.е. уместно задать вопрос: "А было ли мышление?"), так и мотивационно-личностной включенности человека в процессы доопределения им значимых критериев выборов.

Функциональный характер регуляции ПР предполагает также возможность изменения уровней *самоконтроля* и активизируемых межуровневых связей в единой "субъектной" регуляции принятия решений. Это означает вероятность наблюдения за внешне идентичными выборами субъекта или внешне интеллектуальными решениями развертывания им отличающихся по сути психологических процессов и осуществления разной степени сознательного и личностного контроля за ПР.

Один из авторитетов современной когнитивной психологии в области Decision Making Г. Гигеренцер (G. Gigerenzer) [28] представил на последнем ежегодном конгрессе немецкого общества психологов другой вариант понимания функционального принципа. По его мнению, не нужно выдвигать предположений об отдельных "ментальных модулях" (памяти, мышления), а достаточно постулировать действие простых механизмов, которые позволяют субъекту в ограниченное время и с ограниченными знаниями реализовать адаптивные решения в проблемной ситуации. Согласно его точке зрения, следует предполагать ментальные модули, характеризующие взаимосвязи между мотивационными, эмоциональными и интеллектуальными процессами, благодаря которым субъект получает возможность правильно мыслить, принимать решения и рационально действовать в ограниченно-специфичных ситуациях. Наличие таких структур позволяет ввести принцип "экологической рациональности" ПР [29].

Однако такая постановка проблемы функциональной регуляции снимает вопрос, касающийся специфики принятия интеллектуальных решений в ряду других процессов ПР. Поэтому именно для анализа принятия интеллектуальных решений такая постановка вопроса о модулях ПР не кажется эвристичной.

ПРИНЯТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ И РИСК

Термины "принятие решений" и "интеллектуальные решения" часто служат маркерами или общей номинацией для различных базисных процессов. Результирующий момент – выбор из альтернатив – может наблюдаться при актуализации отличающихся друг от друга психологических образований: выборы в разной степени обоснованных гипотез при решении мыслительных задач; выборы способа действия в ситуациях управленческого характера; личностные выборы с осознанным отставанием определенных нравственных позиций – эти и другие решения, принимаемые, казалось бы, в совершенно разных ситуациях и по различным основаниям, имеют общее свойство. А именно: они предполагают реализацию субъектом неких *когнитивно-личностных усилий*, посредством которых происходит функциональное (актуальное – в рамках образующейся "здесь-и-теперь", т.е. "совершающейся", системы регуляции) изменение уровня неопределенности ситуации, ее разрешение или преобразование в соответствии со структурно более общими целями, чем собственно цель выбора из альтернатив (от целей достижения прагматического результата и гностических целей до целей личностного саморазвития).

Нормативные модели ПР не предполагают ни компонентов интеллектуальной ориентировки вне заданных правил действий, ни соответствующих "приложению усилий" процессов или форм активности субъекта. В то же время представления об усилии, которое человек ощущает в ситуации ПР, вводятся во многих описаниях эмпирической реальности интеллектуальных решений. Люди воспринимают необходимость ПР как бремя. Они отличаются по восприимчивости или чувствительности к возникновению ситуации, требующей ПР, по решительности как личностному свойству, по

готовности действовать в условиях неопределенности. Но, как показано на примерах принятия сложных и социально ответственных выборов (с большим "весом" возможных потерь) лицами, принимающими решения в политических ситуациях (типа "карибского кризиса"), или экипажами самолетов в аварийных условиях, люди отодвигают момент конечного выбора настолько, насколько это оказывается возможным (и даже опаздывают с вынесением правильного решения, которое позволило бы избежать катастрофы, если бы оно было вовремя принято) [31]. В психологии мышления подобные факты не рассматривались, хотя также был представлен поиск индивидуальных различий (тесты интеллекта, креативности и т.д.) в интеллектуальном потенциале людей.

Трудно отделить в этом ощущении *усилия при ПР* собственно личностные составляющие от когнитивных, но их явно объединяет представленность феноменологии, единицы анализа которой должны включать и внешние, и внутренние компоненты единого "психологического поля", если воспользоваться терминологией К. Левина. В нормативных (формальных) и психологических (дескриптивных) моделях ПР для обозначения этого единства найдено такое понятие, как "*риск*" (готовность к риску, его восприятие и реализация). Понятие это многозначно: оно предполагает факторы – и ситуационно заданные, когда необходимость риска диктуется условиями ситуации неопределенности; и личностные [3, 6], когда подразумевает, что субъект может активно изменять степень неопределенности (расширяя поле альтернатив, выходя за рамки заданных требований или изменяя уровень самоконтроля собственных действий). Человек может подвергаться риску, а может сам служить его источником. Оставляя в данной работе "за скобками" анализа такую линию, как связь понятий "риск" и "опасность", рассмотрим основания связи "риск" и "мышление".

Указанные усилия являются "субъективными", поскольку зависят от субъекта, его готовности и потенциала принимать решения на требуемом уровне. Этот уровень задается как социальными требованиями, внешними (например, профессиональными) критериями возможных оценок решений, так и "субъективной планкой", которую пытается достичь человек (или ниже которой он не может себе позволить опуститься). Уровень интеллектуальной ориентировки может рассматриваться как в контексте использования знаний, так и с точки зрения влияния на мышление личностных свойств субъекта (т.е. смысловой регуляции мышления). Однако здесь важно учитывать предположение об актуализации процессов мышления, принимая во внимание широкую трактовку рассмотренного принципа *функциональной* регуляции, предполагающего изначальную незаданность (а образование – по принципу "здесь-и-теперь", во взаимодействии всех факторов) в иерархиях и соотношениях возможных базисных процессов.

"Субъективный" фактор в теориях ПР представлен, в частности, и такими понятиями, как "уровень притязаний" (УП) и "самооценка". Однако их наполнение здесь отличается четкой отнесенностью к вопросу о процессах, определяющих точку отсчета в отношении к субъективной ценности достижения или значимости исхода при выборе той или иной альтернативы. Так, Ю. Козелецкий вслед за Г. Саймоном использует понятие УП для обозначения конкретной альтернативы как точки, задающей такой уровень трудности цели, по отношению к которому и устанавливается возможность определить субъективное переживание выигрыша или проигрыша [3]. Предполагается, что именно эта точка фиксирует изменение отношения субъекта к риску. Вероятность и последствия недостижения целевого уровня являются двумя основными параметрами в моделях риска–дохода [22]. Эти описательные модели несовместимы с предположениями о стремлении лица, принимающего решения, к максимизации полезности (применительно к МОП), но важны для указания направлений поиска тех субъективных факторов, с которыми связывается регуляция ПР.

Понятие УП приводится в обзоре П. Шумейкера [22] в качестве демонстрации одного из "психологических принципов, лежащих в основе суждений и выбора", которые объясняют неудачи интерпретационных возможностей МОП. Монография Х. Хекхаузена [21] дает достаточно полное представление о роли указанных психологических

конструктов в моделях целевой регуляции поведения в условиях неопределенности целедостижения (risk-taking). В когнитивных моделях они выполняют иную интерпретационную роль – объясняют изменения предпочтений риска в выборах "игр", или "лотерей". Кумбс и Хуанг (цит. по [22]) предложили, в частности, специальную *теорию портфелей*, в которой постулируется, что для каждого ожидаемого выигрыша и проигрыша существует оптимальный уровень риска. И выборы субъектом альтернатив можно описать как отклонения от этих уровней.

ВКЛАД КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В ПСИХОЛОГИЮ ПР

Наиболее авторитетна из когнитивных моделей ПР "проспективная теория". Именно ее авторы продемонстрировали "когнитивные ловушки", связанные с проявлением особенностей когнитивных структур как интеллектуальных эвристик человека и свидетельствующие о регуляторных компонентах ПР со стороны тех базисных процессов, которые несводимы к факторам ориентированности ЛПР на количественные характеристики субъективных вероятностей и цены ("весов") решений.

Из представленных в моделях ПР разных пониманий видов неопределенности приведем по меньшей мере два, разведение которых позволит оценить вклад собственно *когнитивных моделей* в психологию ПР. Это: а) *неопределенность вероятности* наступления исхода, когда известны альтернативы выборов с описанием исходов и возможных их вероятностей, и б) *неопределенность уверенности* в наступлении события, когда вероятности исходов неизвестны. Во втором случае неизвестность заключается в том, может ли вообще осуществиться то или иное событие (исход) или нет. Рассмотрим пример различения этих двух видов неопределенности по статье Шумейкера, ставшей в 80–90-е годы одной из наиболее часто цитируемых работ, в которой были структурированы все МОП, разработанные в послевоенные годы.

Допустим, в двух урнах находится по 100 шаров. В первом случае известно, что эта сотня шаров состоит из 50 белых и 50 черных, а во втором – неизвестно именно то, сколько из возможных двух видов шаров действительно находится в той сотне, которая помещена во вторую урну (т.е. это может быть в том числе и случай, когда все шары одного цвета, значит, исход "вытащить шар другого цвета" невозможен). Человек, доставший шар из урны (с закрытыми глазами, т.е. не видя исхода), должен принять решение, какого цвета шар он вынул. В первом случае он находится в ситуации вероятностной неопределенности и знает возможную частоту альтернативы "вынут белый шар". Во втором случае он находится в ситуации неуверенности относительно самой возможности такого исхода. Может быть, в этой урне вообще не было белых шаров.

Итак, неопределенность при ПР во втором случае качественно иная: она задана *неуверенностью* субъекта в правильности его предположений о самой системе альтернатив. И риск принять неверное решение здесь не столько неисчислим, сколько категоризуем. Когда речь идет о ПР применительно не к таким простым ситуациям выбора, а к интеллектуальным стратегиям человека, то *фактор риска* все более начинает предполагать *фактор творчества*, поскольку неопределенность начинает касаться именно *новообразований* в актуализируемых системах саморегуляции решений – как способов ориентировки в альтернативах, собственных знаниях, возможностях и способах ПР. Нормативные модели, построенные по принципу МОП, можно рассматривать с точки зрения выявления пробелов, которые должны быть заполнены психологическими факторами регуляции ПР, фокусирующими взаимодействия ситуационно и субъектно представленных условий ПР. Их существенным отличием является, однако, явно выраженный принцип *адаптивности* предполагаемых решений или форм поведения человека. В психологии же *готовность к риску* связывается в первую очередь с неадаптивными формами активности личности и системой предвосхищающих познавательных усилий человека.

Современные экспериментальные ситуации выборов, используемые для лабораторного инициирования процессов ПР, имеют более сложную структуру, чем рассмотренная в примере с выбором суждений о цвете вынутого шара. Эти ситуации называются "выборами игр", или "лотереями", где альтернативы могут быть "надежными" или "вероятностными". Описанная ранее Козелецким ситуация "экспериментальных денег" предполагала, что в результате ПР испытуемый приобретает или теряет что-то (выигрывает или проигрывает определенные денежные величины) [3]. Именно эта экспериментальная парадигма стала связующей для анализа ПР в нормативных моделях и "психофизических" исследованиях функций полезности.

Но в экспериментальных работах когнитивные психологи, во-первых, стали рассматривать ПР в приближенных к реальности ситуациях выборов. Скажем, в исследовании [30] люди принимали решения не о выборе лотерей, а о предпочтении места работы после окончания колледжа, причем в условиях разных тенденций изменения зарплаты при сохранении среднего заработка. Во-вторых, в экспериментальные ситуации стали вводить множественные факторы, репрезентирующие те или иные психологические механизмы регуляции направленности выбора: в аспектах мотивации, управления пониманием проблемы и т.д.

Приведем пример "эффекта рамки", показывающий влияние формы представленности людям одних и тех же знаний в разном смысловом контексте на ПР.

"Рамочный эффект", или "влияние контекста" на субъективное восприятие человеком заданных альтернатив и выбор между ними Тверски и Канеман продемонстрировали следующим образом. Например, испытуемым предлагалось решить задачу, в которой говорилось об опасности приближения эпидемии необычной болезни. Эпидемия способна унести жизни 600 чел. В связи с этим предложены две программы борьбы с возможной эпидемией, и испытуемый должен был выбрать один из двух предлагаемых планов – А или В.

Первый контекст ПР был задан такими формулировками условий:

Ответ А: Если будет принята программа А, то будет спасено ровно 200 чел.

Ответ В: Если будет принята программа В, то с вероятностью $1/3$ будет спасено 600 чел., а с вероятностью $2/3$ не будет спасен никто.

В группе с составом более 150 чел. 76% предпочли альтернативу А.

Второй контекст давал ту же информацию, но в другой форме, называя не возможные положительные, а возможные отрицательные результаты при тех же условиях планов А и В.

Ответ А: Если будет принята программа А, то умрет 400 чел.

Ответ В: Если будет принята программа В, то с вероятностью $1/3$ не умрет никто, а с вероятностью $2/3$ умрет 600 чел.

В аналогичной группе альтернативу А выбрали только 13% голосов. Разница между процентами выбора альтернативы А в первом и втором условиях составляет экспериментальный эффект.

Он достаточно большой, однако неочевидный с точки зрения того, какая переменная его обусловила. Ведь в обоих условиях информация о планах А и В с содержательной стороны была идентичной. Однако различие касалось формулировок, и именно оно эксплицировало разное восприятие испытуемыми одной и той же информации. Таким образом, различие на уровне "стимульных" условий обусловило изменение в актуализируемых базисных процессах, которые в качестве психологических механизмов опосредствовали предпочтение ответа при ПР.

Итак, если альтернативы сформулированы в терминах приобретений, то люди более склонны выбирать то, что безопаснее, надежнее и т.п.; если же они сформулированы в терминах потерь, то предпочтение отдается более рискованным решениям. Однако не все исследователи согласны с универсальностью "рамочного эффекта". Он действительно влияет на выборы субъекта, но степень такого влияния зависит от типа задачи (приближенности ее к реальности, т.е. соответствия переменных в задаче и экспериментальной модели). "Эффект рамки" смягчается (усред-

няется) требованиями субъективно понятой рациональности, оценками уровня очевидных выгод или потерь.

Современные отечественные исследования мышления не включают рассмотренных когнитивных эффектов, полученных на материале ПР, в контекст анализа решения проблем. Данные эффекты описаны для области мышления в так называемых "закрытых" задачах, но это не делает их менее значимыми, если предположить, что в них эксплицируются те общие базисные процессы, которые опосредствуют интеллектуальные решения в ситуациях как "закрытых", так и "открытых" задач.

АКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА В РЕГУЛЯЦИИ ПР

Возможно обоснование и более важного аспекта в понимании регулятивной функции ПР как процессов, специфичных именно в контексте их актуализации при переходе субъекта от принятия условий неопределенности к осознанию их как условий риска (решений или действий). Усилия человека при ПР могут быть описаны более конкретно по характеру репрезентированных в них взаимодействий: они отражают как бы "примеривание" субъектом своего потенциала (с точки зрения его мотивационно-побудительных, целевых и операциональных возможностей) к требованиям ситуации неопределенности, т.е. принятие ее как *субъективно* преодолимой. Этот аспект принципа функциональной регуляции ПР не охвачен в исследованиях когнитивных психологов, хотя, как мы показали выше, именно когнитивные модели позволили конкретизировать ряд базисных процессов, проявляющих общие "свойства ума" в ПР человеком.

Субъективная неопределенность может характеризовать общий модус предвосхищающих оценок последствий выборов альтернатив или неопределенность незнания (оставим пока вне анализа варианты вероятностных представлений о неопределенности, заданные уже дискуссиями 20-х годов [12]). Принятие субъектом ситуации выбора как требующей от него доопределения критериев, оценивания последствий или преобразования систем альтернатив означает актуализацию "полевого" (в значении "психологического поля") модуса неопределенности. В нем следует видеть не только взаимодействие ситуационных факторов и личностных особенностей ЛПР, но и связующую роль когнитивной и личностной активности субъекта по принятию условий неопределенности как возможных для себя решений, включающих и преобразования заданной системы альтернатив, или конкретизации степени дистанцированности своих притязаний или "Я" (на уровне самосознания) от ситуационных требований.

Итак, если признается возможность разных вариантов психологической регуляции тех или иных видов предметной деятельности или внедеятельности форм активности субъекта, то описание соответствующих уровней регуляции ПР не может быть осуществлено *до* или *вне* актов этих решений. Здесь модус "риска" презентует указанный аспект функционального принципа регуляции ПР: решение может не только оказаться более или менее удачным с точки зрения заданных требований или характеризоваться в плане актуализированной структуры опосредствующих его процессов, но и оцениваться как состоявшаяся возможность, как переход от возможности мышления к "мышлению возможного" [7].

Активность субъекта на пути интеллектуального и произвольного овладения вариативностью собственных возможностей в принятии решения должна рассматриваться также как критерий личностной регуляции в самом широком смысле саморазвития личности, "делающей себя" посредством нахождения "своих" решений и определяющей функциональные системы их регуляции.

Идея активности субъектного опосредствования ПР соответствует современным методологическим поискам, ориентированным на дальнейшие разработки субъектных и деятельностных парадигм в психологии, изучение источников и форм познавательной активности субъекта – в концепциях "образа мира" [18], смысловой регуляции мышления [20], а также на построение концепции личности, в которых идея активности

выделяется как реализующая себя в предположениях о процессах преодоления субъектом извне заданных пределов [4, 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ моделей ПР, сложившихся, в частности, в современной когнитивной психологии, продиктован необходимостью выдвижения принципа функциональной регуляции ПР как интегрирующего основания для выявления взаимосвязей между компонентами, фиксируемыми в этих моделях, а также другими базисными процессами, не входящими в поле их рассмотрения, но репрезентирующими когнитивно-личностные усилия субъекта в ситуации выбора.

Интеллектуальные решения опосредствованы базисными процессами, реконструируемыми как компоненты мыслительной деятельности субъекта (гипотезостроение, целеобразование, смысловая регуляция и т.д.). В нормативных моделях речь идет о других процессах, не включающих указанные компоненты становления интеллектуальных критериев ПР. То есть можно констатировать образовавшийся "разрыв" между модельными подходами к ПР и анализом мыслительных процессов. Мы считаем, что он преодолим, если последовательно возрождать принцип функциональной регуляции применительно к анализу принятия интеллектуальных решений. Он означает: признание вариативности функциональных систем регуляции ПР как новообразований, позволяющих говорить об актуалгенезе разных базисных процессов и диагностике различных взаимосвязей компонентов, уровней и межкомпонентных связей в регуляции ПР; необходимость конкретизации компонентов интеллектуальной ориентировки и личностных усилий субъекта при формировании ситуации субъективной неопределенности; выявление форм активности субъекта в изменении уровня неопределенности ситуации (а значит, и изменение степени риска решений). Все это в свою очередь предполагает учет интеллектуального и личностного потенциала человека, задающего диапазоны возможного преобразования ситуации его решениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994. 108 с.
2. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: МГУ, 1991. 140 с.
3. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. 503 с.
4. Козелецкий Ю. Человек многомерный. Киев: Лыбедь, 1991.
5. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // *Вопр. психологии*. 1995. № 1. С. 5–12.
6. Корнилова Т.В. Диагностика "личностных факторов" принятия решений // *Вопр. психологии*. 1994. № 6. С. 99–109.
7. Корнилова Т.В. Риск и мышление // *Психол. журн*. 1994. № 2. С. 20–32.
8. Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М., 1990. 191 с.
9. Ларичев О.И., Мошкович Е.М. Качественные методы принятия решений. М.: Наука, 1996. 207 с.
10. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф.М. Основы менеджмента. М.: Дело, 1992. 700 с.
11. Мышление: процесс, деятельность, общение / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М.: Наука, 1982.
12. Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // *Альманах THESIS*. Риск, неопределенность, случайность. 1994. Вып. 5. С. 12–28.
13. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992. 222 с.
14. Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. 367 с.
15. Проблемы принятия решений. М.: Наука, 1976. 319 с.

16. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Альманах THESIS. Мир человека. 1993. № 5. С. 16–37.
17. Смирнов С.Д. Психологическая теория деятельности и концепция Н.А. Бернштейна // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1978. № 2. С. 14–25.
18. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: МГУ, 1985. 230 с.
19. Тихомиров О.К. Принятие решения как психологическая проблема // Проблемы принятия решения. М., 1976. С. 77–81.
20. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: МГУ, 1984. 269 с.
21. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1.
22. Шумейкер П. Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей // Альманах THESIS. Риск, неопределенность, случайность. 1994. № 5. С. 29–80.
23. Arend U. Wissenserwerb und Problemlösen bei der Mensch–Computer–Interaction. Regensburg: S. Röderer Verlag, 1990. 295 S.
24. Beach L.R. Image theory: decision making in personal and organizational contexts. N.Y.: Wiley, 1990.
25. Decision making in psychiatric and psychosocial nursing. B.C. Decker Ins. Toronto–Philadelphia, 1990. 242 p.
26. Dörner D. Die Logik des Mißlingens. Strategisches Denken in komplexen Situationen. Hamburg: Rowohlt Verlag, 1992. 320 S.
27. Eysenck M.W., Kean M.T. Cognitive psychology. A student's handbook. Hillsdale: Erlbaum, 1993. 557 p.
28. Gigerenzer G. Adaptives Verhalten und Kognition // 40. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie. München, 1996.
29. Gigerenzer G., Hug K. Domain-specific reasoning: Social contracts, cheating, and perspective change // Cognition. 1992. V. 43. P. 127–171.
30. Hsee Ch.K., Abelson R.P., Salovey P. The relative weighting of position and velocity in satisfaction // Psychol. science. 1991. V. 2. № 4. P. 263–268.
31. Janis I.L., Mann L. Decision making: A psychological analysis of conflict, choice and commitment. N.Y.: Free Press, 1977.
32. Funke J., Glodowski A.-S. Planen und Problemlösen: Überlegungen zur neuropsychologischen Diagnostik von Basiskompetenzen beim Planen // Zeitschrift für Neuropsychologie. 1990. Bd. 1. H.2. S. 139–148.
33. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk // Econometrica. 1979. V. 47. № 2. P. 263–291.
34. Lashöfer J. Zum Stilwandel in richtlichen Entscheidungen: über stilistische Veränderungen in englischen, französischen und deutschen zivilrechtlichen Urteilen und in Entscheidungen des Gerichtshofs der Europäischen Gemeinschaften. Münster; N.Y.: Waxmann, 1992. 160 S.
35. Wottawa H., Gluminski I. Psychologische Theorien für Unternehmen. Göttingen: Hogrefe, 1995. 334 S.